

А. В. СОЛОВЬЕВ

Новое словенское издание «Слова о полку Игореве»¹

Если издание молодого итальянского энтузиаста Поджиоли (см. предыдущую статью) обращается к широким кругам любителей изящной литературы, книга маститого слависта Райка Нахтигаль носит совершенно другой характер. Его перевод и комментарий «Слова о полку Игореве» возникли в связи с преподаванием студентам-славистам, и, по его словам, «перевод не преследует литературных целей, а направлен филологически для понимания русского текста», для изучения истории русского языка.

Во вступлении проф. Р. Нахтигаль кратко говорит о первых изданиях, об авторе и о дате памятника (стр. 7—11). Он специально останавливается на вопросах фонетики и морфологии «Слова» (11—18). Он отмечает отдельные архаизмы, из которых «ясно видна картина древнерусского языка оригинала XII века», что побуждает его реконструировать текст, освободив его от всех изменений, внесенных переписчиками. Эту реконструкцию издатель считает главной задачей своего труда, причем особо рассматривает вопрос о древнерусских ударениях, которые он вносит в текст (стр. 21—23).

Текст памятника напечатан в четыре столбца: на левых страницах текст по изданию 1800 г. и «реконструкция» гражданским шрифтом (стр. 24—60), на правых страницах — та же «реконструкция» латинскими буквами и перевод на словенский язык (стр. 25—61). Комментарий имеет по преимуществу филологический характер, давая студентам объяснения мало понятных слов и выражений (стр. 62—96).

Очень полезным является исчерпывающий алфавитный указатель всех слов памятника, цитируемых по страницам и строкам издания 1800 г. (стр. 97—132).

Краткие библиографические заметки (стр. 133—136) касаются основных изданий и комментариев к «Слову» и переводов его на славянские языки: мы узнаем, что первый перевод на словенский язык дал в 1865 г. М. Плелершич, прослушавший в Вене у Ф. Миклошича семинар о «Слове». Попутно проф. Нахтигаль касается скептической школы и возрождения ее проф. А. Мазоном, говоря: «Утверждение, что Слово могло возникнуть под влиянием Задонщины, смешно, что видно из примера: „за шеломянем — за Соломоном“».²

¹ Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti. Academia Scientiarum et Artium Slovenica. Razred za filološke in literarne vede. Classis II. Philologia et litterae. Dela-Opera. 8. Institut za slovenski jezik. Institutum linguae slovenicae. 5. Staroruski ep Slovo o polku Igorjevè. Slovensko izdajo priredil Rajko Nahtigal. Ljubljana, 1954, стр. 5—136.

² В комментарии на стр. 71 акад. Нахтигаль указывает, что слову «шоломя-соломя» («соломен») в «Изборнике» Святослава 1073 г., отвечает в словенском и хорватском языках «sleme» («слѣмъ») как название невысокой горы.

К изданию приложены подробная родословная таблица князей, упомянутых в «Слове», и географическая карта древней Руси, на которую нанесены только названия, находящиеся в «Слове».³

Рассматриваемое издание несомненно полезно: оно дает словенским читателям ясное понятие о «самом знаменитом памятнике древнерусской литературы» (стр. 5) и является своевременным, так как давно устаревший перевод Плелетершника стал библиографической редкостью. Филологический комментарий проф. Нахтигала очень поучителен и стоит на высоте современной славистики. Однако у нас являются некоторые возражения по поводу «реконструкции», которую автор считает главным достижением своего труда.

Попытка восстановления подлинного текста «Слова», с освобождением его от всех наслоений и изменений, которые могли быть внесены переписчиками, — не новость. Ее сделал уже Ф. Е. Корш в 1909 г.,⁴ старательно восстановив глухие гласные и полногласные формы во всем тексте «Слова», что, впрочем, не встретило одобрения в литературе предмета. Недавно, в 1948 г., проф. Р. О. Якобсон дал свою, более осторожную попытку восстановления текста: он поместил полногласные и некоторые другие древнерусские формы в скобках, после форм текста, предоставляя читателям выбор между теми и другими.⁵ Сам проф. Р. Нахтигаль опубликовал в 1950 г. около одной трети своей реконструкции и перевода текста,⁶ теперь он дает его в законченном виде.

Следуя во многом за тщательным исследованием акад. С. П. Обнорского,⁷ автор предполагает, что церковно-славянские формы появились в результате корректуры, проведенной переписчиками в эпоху «второго южнославянского влияния», т. е. в XV и XVI вв. Поэтому он сильно изменяет привычный нам текст «Слова»: 1) заменяет написания глухих после плавных «л» и «р» глухими перед ними, например «пѣлк»; 2) восстанавливает всюду глухие гласные, например «кѣнѣзь», «кѣлкѣтъм»; 3) после шипящих и «ѡ» ставит всюду «я» и «ю», например «начѣшѣ»; 4) после гортанных всюду «ы», а не «и», например «Кѣеву»; 5) заменяет все неполногласные формы полногласными, например «золото», а не «злато»; 6) заменяет местоименные формы прилагательных на -скый именными (нечленными), например «Кѣевѣскъ», «Русѣскъ» (род. п. мн. ч.); 7) заменяет «жд» и «щ» (из «dj» и «tj») русским смягчением «ж» и «ч». Есть еще ряд более мелких изменений, на которых мы не будем останавливаться.

Оправданы ли все указанные изменения?

1. С первым можно согласиться (его провели уже Корш и Якобсон). Действительно, русский язык XII в. старался освободиться от болгарского написания «пѣлк» и заменять его более подходящим к произношению начертанием. Так, уже в подлинной Мстиславовой грамоте около 1130 г. стоит «дѣржа», «дѣлѣжни». Но невольно встает вопрос: не поддерживалось ли уже в оригинале «Слова» употребление болгарских начертаний книжной традицией «первого южнославянского влияния» XI—XII вв. и не старался ли сам автор «Слова» писать по-книжному «пѣлкѣ», а не «пѣлкѣ», хотя это ему не всегда удавалось?

³ На карте есть погрешности: не указаны Ляхи, Овары на Кавказе, Новгород-Северский, Лукоморье; между тем Дудutki указаны огромными буквами, больше и выше Новгорода-Великого, хотя положение их сомнительно.

⁴ Ф. Е. Корш, Исследования по русскому языку Академии Наук, т. II, № 6.

⁵ La Geste de prince Igor, Texte établi... par Roman Jakobson..., стр. 150—178.

⁶ Rajko Nahhtigal. Slovo o polku Igoreve (Odlomek iz slovenske prreditve izdaje) Slavistična Revija, III. Ljubljana, 1950, стр. 369—396.

⁷ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 132—198.

2. Строгое восстановление глухих кажется нам более сомнительным. Надо различать их в двух положениях.

а. Известно, что в слабом положении они исчезают уже с XI в.: на Тмутараканском камне 1076 г. уже стоит «князь Глеб», а не «кнѣзь Гълеб»,⁸ в Мстиславовой грамоте последовательно проведено «князь», «княжение», «Всеволод»; на черниговской чаре около 1150 г. стоит «князя». Поэтому поскольку в тексте «Слова» 33 раза стоит «князь» без ера, то нам кажется излишним восстанавливать его во всех 33 случаях: такая реформа ведет именно к болгаризации памятника.

б. Сложнее вопрос о глухих в сильном положении: однако, как говорит С. П. Обнорский, «в сильном положении, „ъ“ и „ь“ должны были уступить место гласным полного образования еще в период XII—XIII вв.».⁹ Особенно это должно было быть заметно в протяжном чтении или пении (а «Слово», вероятно, пелось под звуки гусель). В тексте «Слова» довольно последовательно проведено русское прояснение глухих: заменять ясные фонемы «клектом», «подперь» неудобными для пения формами «клькѣтъмь», «подьпѣрь» приводит к ненужной архаизации, т. е. именно болгаризации текста.

3. Мы полагаем, что нельзя так решительно ставить «я» и «ю» после шипящих и «ц», как это делает проф. Нахтигаль. Опять-таки следует провести различие между двумя случаями.

а. В памятнике, как отметил С. П. Обнорский, наблюдается решительное преобладание начертаний с «а»: выдержанные написания «жа» (10 случаев), «ща» (7 случаев) и «ша» (43 случая) при одном только примере «рассушьясь», всегда «ца» (14 случаев) и колебание лишь при «ч» (29 случаев «ча» и 11 случаев «чя»)¹⁰ Трудно думать, что все 103 указанных случая отвердения — против 12 случаев смягчения — появились под пером позднейших писцов, тем более, что отвердение шипящих ясно наблюдается в подлинных памятниках XII в.: «държа» в Мстиславовой грамоте и «чара... Давыдовича» на чаре 1150 г. Вероятно, в оригинале «Слова» преобладали такие написания, и можно даже поставить вопрос, не являются ли случаи написания малого юса («я») после «ч» и «щ» данью болгарской традиции.

б. Несколько иную картину дают «у» и «ю»: при последовательном написании «жу» (4 случая), «шу» (10 случаев) и «щю» (7 случаев) мы видим постоянное «цю» (6 случаев) и сильное преобладание «чю» (10 случаев) над «чу» (2 случая). Возможно, что отверждение «щ» является чертой промежуточной, новгородской, как предполагает академик Обнорский; с другой стороны, преобладание форм с «чю» типично для новгородского договора 1189 г. при последовательно проведенном написании «жа» и «ша».¹¹ Русская графика, а вероятно, и русское произношение XII в. не знали строгого однообразия во всех этих случаях, и приводить живое разнообразие к одному знаменателю кажется нам излишним ригоризмом.

4. Таким же излишним ригоризмом является строгое проведение в реконструкции употребления «ы» после задненёбных согласных. Проф. Нах-

⁸ Между тем в «Изборнике» Святослава надпись на миниатюре гласит «Гълеб» (не варяжское ли имя «Gudleif»?). Проф. Нахтигаль не принял этого во внимание и оставил «Глеб».

⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 140. Договор Новгорода с немцами 1189 г. (сохранившийся в точной дипломатической копии 1257 г.) показывает уже полное прояснение глухих, а «ь» остается в нем как графический знак, часто равный «е» («поидьтъ», «повержьтъ» и т. п.).

¹⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 147—148.

¹¹ «чюжее», «свѣжють», но «тяжа» (4 раза), «рубѣжа», «сажати», «прашати».

тигаль в этом вопросе расходится с С. П. Обнорским, допускающим, что в оригинале «Слова» были уже известны случаи употребления «и» после «г», «к», «х», и считающим, что написания «Киев» и «Хинова» отражали живое произношение. По нашему мнению, строгое употребление «ы» во всех этих случаях ведет опять к чрезмерной архаизации, т. е. болгаризации, текста, ибо весьма возможно, что преобладание написаний с «ы» в тексте XVI в. является следствием новой болгаризованной орфографии.¹²

5. Проф. Нахтигаль решительно изгоняет неполногласные формы и заменяет их полногласными;¹³ нам кажется, что вопрос не так прост, и для этого сравним язык «Слова» с языком летописей и былин.

Древнейшие летописи сохранились лишь в списках XIV—XV вв. (Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский нач. XV в.). Однако эти списки довольно правильно сохраняют старое правописание, ибо относятся к эпохе до «второго южнославянского влияния». Именно в этих списках мы найдем прихотливое чередование форм «град»/«город», «злато»/«золото» и сходных с ними. Начальная летопись пишет «Царьград», но «Новгород», Рюрик раздает «грады», но Олег ставит «городы»; Киев сперва «градок», затем «мати градом руским», еще позже «старейший град в земли во всей» (1096 г.); Торческ и Чернигов — «грады» (1093 г.), а Святополч — «город» (1095 г.). В Киевской летописи XII в. (Ипатьевской) преобладает форма «город», но в Галицко-Волынской — «град» («во граде Кыеве» — 1205 г., «град» Перемышль — 1208 г., «град» и «гражаны» в Галиче — 1219 г., «град» Холм — 1223 г. и т. д.). Такое разнообразие написаний убеждает нас, что по ним вовсе не проходила рука позднейшего корректора.

Еще знаменательнее язык былин, свободных от церковного влияния и сохранивших много старинных оборотов. Они говорят «Киев-град», «стольный Киев-град», но «ко городу ко Киеву», «во городе во Кыеве», «во Новгород», но «во Нове-граде». Мы полагаем, что эти чередования объясняются требованиями ритма и гармонии гласных. «Стольный Киев-град» дает ясное дактилическое окончание стиха, как и «во Нове-граде», тогда как «во городе во», «ко городу ко» дает звуковой упор на «о».

Такое же чередование представляют «злато»/«золото» с их производными. В Повести временных лет семь раз встречается «злато и паволоки», семь раз «злато и серебро»; видно, что это устоявшаяся формула. Наряду с этим «да будем золоти яко золото» (дактиль, под 971 г.). Требование ритма особенно заметно в Галицко-Волынской летописи под 1252 г.: «седло от злата жьжена... и сабля златом украшена, кожую... круживы златыми... и сапозы... шиты золотом». После трех неполногласных форм полногласная дает дактилическую концовку.

То же видим и в былинах: в них часто поется о «золоте», особенно в конце строк (дактиль), но найдем и формулу «злато и серебро» (Рыбников, №№ 181 и 196) и эпитеты «злачен перстень» (Рыбников, №№ 8, 193, 195), «ключи злаченые» (Рыбников, № 154) и особенно «терема златоверхие» (Рыбников, №№ 144 и 146; Гильфердинг, №№ 13 и 199) и «златоверховатые» (Рыбников, №№ 193 и 197). Такое же колебание, объясняемое отчасти ритмом, найдем в былинах между формами «молодец» и «младенчик», «молодой» и «млад Соловей Будимирович», «молода Забава Путятична» (Рыбников, № 149) и «млада Василиста» (Рыбников, № 171). Наконец, и приставка «пре» вовсе не

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 146.

¹³ Все же он делает исключение для таких церковно-славянских слов, как «власть», «страны» и «здрави», оставляя их в неполногласной форме.

всегда переходит в «пере», и былины поют «женская прелесть», «прекрасная», «престарелая», «Буслай преставился», а не «переставился».

После этих наблюдений ясно, что в «Слове» нельзя механически заменить все неполногласные формы полногласными, ибо этим нарушается богатый ритм и звуковая окраска поэмы. Поэт 13 раз пишет «град» и лишь один раз «город»; в этом отношении его стиль близок к стилю Галицко-Волынской летописи. Когда мы читаем «Страны ради, гради веселы», нам ясно, что это прекрасное созвучие трех двусложных слов с упором на «ра» и даже с внутренней рифмой («ради» — «гради»). Когда проф. Нахтигаль ставит «городы», вся музыка стиха пропадает. То же можно сказать о стихе «Отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу»: поэт как бы радуется накоплению звонких слогов «ра» и «ла», звучащих как боевой клич. Текст проф. Нахтигалья дает унылое, протяжное оканье: «Отвори ворота Нову-городу, розшибе славу Ярославу». Мы полагаем, что поэт предпочитал формы на «ра» и «ла» из-за их энергичной звучности и краткости.¹⁴ Когда он говорит «храбра и млада князя»¹⁵ или «ступает в злат стремень в граде», этот ритм нельзя заменять окающей растяжкой. У него 22 раза встречается «злато» (с его производными) — оно в стихе звончей, чем «золото», и нельзя предполагать, что какой-то писец внес эти славянизмы. Так же как певцы былины, поэт пел «злаченные», «терем златоверхий», «златокованный»; эти формы первоначальны.

Заметим, что поэт пользуется и полногласными формами, и никакой корректор их не изменял. Он говорит: «Яр туре Всеволоде, стоиши на борони», ибо это дактиль — концовка и вместе с тем ассонанс: «борони» перекликается со «Всеволоде»; но в другом месте поэт звонко кончает: «до спели на брань».

Особенно интересна единственная форма «город» в плаче Ярославны. В его трехчастном делении мы слышим сперва: «Ярославна ра/но плачет в Путивле на забрале аркучи» — центральное слово «Путивль» окружено симметричным повтором плавных слогов: «на», «ра» и «ла». Это прекрасная музыкальная фраза. Она повторена целиком в третьем призыве, к солнцу. Но вот во втором призыве, к Днепру, сказано: «Путивлю городу на забороле аркучи» — две полногласные формы. Что это, недосмотр корректора? Однако, исправив первую и третью фразу, он не мог бы пропустить вторую. Нет, это музыкальная вариация. Как хороший композитор в «теме с вариациями» помещает между мажорными минорную (или наоборот), так и певец «Слова» хочет избежать однообразия. Пользуясь эпическим тройным повтором, он умело изменяет средний, вставляя в него слово «городу» и настраивая в лад с ним «заборолу», которым дальше созвучны многие «о»: «Словутичу, ты пробил... горы, сквозе землю По/ловецкую». Такие же вариации можно отметить в стихах: «великая поля...

¹⁴ С. П. Обнорский близко подошел к решению этого вопроса о чередовании славянизмов и руснизмов в тексте «Слова», отметив, что какие-то «иногда более глубокие причины» не позволяли производить перелицовок и что, «например, колебание вариантов „голова“ и „глава“ в памятнике несомненно должно объясняться из стилистической дифференцированности соответственных отрезков контекста памятника». Он отметил тонкие различия между употреблением форм «вран» и «ворон», «ворота» и «врата», «глас» и «голос»; вероятно, этими же «стилистическими условиями должно объяснять вариантность имени „Володимир“ и „Владимер“» (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 192—194). Однако С. П. Обнорский относит эти заботы о «соблюдении внутреннего благозвучия» на счет переписчиков. Мы склонны думать, что писец, механически переписывавший текст, не руководствовался такими тонкими стилистическими соображениями. Эта вариантность скорее является чертой богатства литературного языка крупного поэта.

¹⁵ Отметим, что сам князь Игорь говорит: «где мужи храборьствующи?» (Ипат. 434), а про Даниила Галицкого сказано: «бе бо дерз и храбор» (Ипат. 497)

прегородиша», «дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша»; в первых двух случаях полногласная форма ассонирует с «поля», в третьем она перестроена на славянский лад и созвучна с «храбрии» — единообразие избегнуто.

Можно отметить, что пользование формой «вран» наряду с полногласной «ворон» объясняется тоже ассонансами; поэт три раза говорит: «врани граяхуть, врани възгряяху, врани не граяхуть» — созвучие «вра» — «гра» прекрасно изображает карканье воронов. Но когда он говорит: «черный ворон, поганый Половчине», вся фраза настроена на «о». Это искусство большого поэта, сознательное или бессознательное, — об этом трудно судить.

Проф. Нахтигаль не обратил внимания на отзвуки «Слова» в «Задонщине»: между тем они интересны для восстановления подлинного облика «Слова».

В древнейшем, Кирилло-Белозерском, списке 1475 г. есть фраза: «Славий птица, что бы еси выщекотала», замененная в трех позднейших списках более простонародным оборотом: «О соловей летняя птица». Очевидно, «славий» в Кирилло-Белозерском списке восходит к традиции «Слова», где сказано «скача, славлю, по мыслену древу». Любопытно отметить, что позднейшие переписчики «Задонщины» в XVI в. вовсе не вносили церковно-славянские, а, напротив, использовали народные формы.

Между тем полногласная форма «Слова»: «кликом поля перегородиша» сохранена в четырех списках «Задонщины» (К-Б — «свистом поля перегороди», И₁, У и С — «поля широкая кликом огородиша»). Так же полногласная форма «яр туре стоиши на борони» сохранена в И₁, И₂ и У: «уже стал тур на боронь (тур оборен)». Фраза Святослава «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» нашла отзвук в четырех списках «Задонщины»: «Тутю, брате, стару помолодити[ся]». «Задонщина», как и «Слово», знает лишь «шеломы», а не «шлемы».

Но с другой стороны, неполногласные формы в «Задонщине» восходят именно к тексту «Слова». В И₂ и У мы читаем «главы свои подклониша» и в «Слове» так же: «главы своя поклониша». В трех списках «Задонщины» «жены руския веселескаша татарским златом», что перелицовано из «Слова»: «звоня рускым златом». «Славный град Москва» (три раза в «Задонщине») отвечает «граду Киеву» в «Слове».

Наконец, любопытное сочетание неполногласной и полногласной форм в «Слове»: «златым шеломом посвечивая» точно сохранена в И₂, а в списках И₁ и У читается «злачеными шеломы», что опять-таки восходит к форме «злаченный» в «Слове».¹⁶

Эти примеры показывают, что уже в 1380-х годах иерей Софоний пользовался старинным списком «Слова», отличавшимся тем же прихотливым чередованием полногласных и неполногласных форм, как и Мусин-Пушкинский список XVI в. Ясно, что это чередование находилось уже в оригинале «Слова» и объясняется не «вторым южнославянским влиянием» XV в., а еще первым влиянием на Киевскую Русь, в XI—XII вв.

6. Резкой особенностью «реконструкции» текста «Слова» является строго проведенная проф. Нахтигалем замена членных форм прилагательных с окончанием -ский нечленными (-ск, -ска, -ско). В «Слове» таких прилагательных ровно 60. Одно только слово «Руский» повторяется

¹⁶ Чередование форм «забрала» и «заборола» в «Слове» прихотливо отражается в разных списках «Задонщины». Именно И₂ и У дают: «на забралах» (2 раза) и «железная забрала», между тем в И₁ и Син. мы читаем «на заборолех» и «железна зарона» (И₁), «железное забороло» (Син.). В К-Б этих слов вообще нет.

в разных формах 26 раз, «Половецкий» — 18 раз, «Киевский» — 3 раза и т. д. Во всех 60 случаях издатель вносит лишь именные формы и печатает: «Святослав... грозный Киевск», «земле Русьскы», «по Русьске земли», «с Чьрниговскы былями», «Галичьск Осмомысле», «костыми Русьск сынов», «горам Кыевскам» и т. п. Единственным его доводом является форма «държа Русьску землю» в подлинной грамоте великого князя Мстислава I; мы можем прибавить еще «тиун бояреск» в древнейшем списке Русской Правды (1288 г.).¹⁷ Но наряду с этими формами мы встретим в той же грамоте «вено во[д]ское», а в том же списке Правды — «Правда Роуськая, тысячького Киевского, морьскую лодью, войский конь, детьчьскому» и др., всего 13 местоименных форм против одной именной. Надо полагать, что этот список точно отражает язык времени Владимира Мономаха. Вообще замена именных форм местоименными есть древнейшее явление русского языка, и надпись на Николодворищенском антиминсе 1149 г. дает лишь формы «Новгородского», «Ростовского», уже с русской заменой формы -аго окончанием -ого, под воздействием форм указательных местоимений типа «того», «тому».¹⁸

Все это явления живого языка первой половины XII в. Как же можно предполагать, будто поэт конца XII в. отверг эти явления и вернулся к архаическим, именным формам, а что лишь позднейший переписчик во всех 60 случаях заменил их членными? Ведь мы видели, что он вовсе не заменял все полногласные формы болгарскими и не проявлял строго ригоризма.

Возьмем опять для сравнения язык летописи. На первых ее страницах мы часто встретим именные формы: «Руска земля» (852 г.), «землю Фрачьску и Македонску», «язык словенск», «землю Словенску» (898 г.) и т. п. Но эти формы чаще всего встречаются в «Сказании о писменех», которое, по исследованию Н. К. Никольского 1930 г., вставлено в летопись из церковного (быть может, западославянского) источника. Между тем в Повести временных лет с 1010 по 1110 г. (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) мы нашли 190 случаев членных форм и только 21 случай употребления нечленных форм прилагательных на -ский. Из этого 21 случая 11 ясно указывают на церковную, болгарскую традицию: «вера хретьянска», «кровь хретьянску» (2 раза), «погубление душа хретьянскы», «на хретьянске роде», «роду хретьянска», «мечтанье бесовско», «бесовску действу», «Хананейско племя», «цесарь Июдейск», «цесаря Асурийска».¹⁹ Еще показательнее данные XII в. В Ипатьевской летописи за сто следующих лет, с 1111 по 1210 г. мы найдем на 588 случаев членных форм только шесть именных, из них пять ясно объясняются церковным влиянием, именно: «не пролейта крови хретьянскы», «ни погубита Рускы земле», «бог всегода Рускы земле и Рускых сынов в бесчестьи не положил есть», «от Вавилонска нечаяния», «избави и господь за молитву хретьянску».²⁰ Особенно интересен последний пример: в нем говорится именно о князе Игоре (под 1185 г.). В одном лишь рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря мы нашли 22 прилагательных на -ский («Руские», «Половецкие», «на землю Рускую» и т. п.) в членной форме, совсем как в «Слове».

¹⁷ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Изд. АН СССР, Л., 1930.

¹⁸ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 147.

¹⁹ Повесть временных лет. М., 1950, т. 1, стр. 102, 132, 148, 120, 128, 122, 131.

²⁰ Ипат. лет., стр. 297, 310, 478, 437; шестой случай «пасаше сыны боярскы» (стр. 270) объясняется оттенком неопределенности эпитета. Напротив, членные формы «русский», «половецкий» употребляются по общей норме, имея чисто атрибутивное значение (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 57—58).

Единственным исключением является указанная фраза об избавлении Игоря, вероятно записанная со слов его попа, бывшего с ним в плену.

Опять-таки архаический язык былин знает именные формы «красна девица», «горючь камень», но прилагательные на -ский в них всегда в полной форме, во-первых, вследствие своего оттенка определенности, а вероятно, и потому, что они дают дактилические окончания: «стольно-Киевский», «свето-русьские». Этим дактилизмом объясняется и употребление удлиненных форм: «богатырских», «литовским». Можно полагать, что стремление к более гармоничным ритмическим отрезкам определило и дактилические концовки «Слова»: «за землю Рускую», «на землю Половецкую», «Святослав грозный великий Киевский». Заменять их краткими формами является невниманием к ритмической структуре «Слова».

Мы считаем, что в XI и XII вв. нечленные формы на -ск были редким архаизмом и что их спорадическое употребление поддерживалось авторитетом церковного, староболгарского языка. Именно в «Сказании черноризца Храбра», в похвале Кириллу-Константину, в текстах Евангелия мы встречаем «язык словеньск», «елиньск язык», «страха ради иудейска» и т. п.²¹ У нас является мысль, не есть ли одинокое «дрьжа Руську землю» в Мстиславовой грамоте отражение болгарского стиля в великокняжеском окружении?

Живая речь той эпохи, а особенно народнопоэтический стиль предпочитал более певучие, местоименные формы. Поэтому попытка проф. Нахтигала изгнать из текста «Слова» все 60 членных форм кажется нам насильем над морфологией и ритмикой памятника и неожиданной, бесполезной его «болгаризацией».

7. После этих сравнений языка «Слова» с языком былин и Ипатьевской летописи следует обсудить еще и неуклонно проведенную издателем замену всех церковно-славянских форм со звуком «щ» и «жд» их русскими дублетами: «аче», «хочю», «стонучи» вместо «аще», «хощу», «стонуши»; «жажею» вместо «жаждею» и т. п.

Опять-таки, сравнение с языком Ипатьевской летописи, свободной от «второго южнославянского влияния», очень поучительно. И в этом отношении ее стиль весьма пестрый: она очень часто пользуется русскими формами с «ч» и «ж», но наряду с ними в ней довольно часты и болгарские формы, очевидно, вошедшие в литературный язык той эпохи. Например, именно во второй половине XII в. мы встретим в ней и «аще» и «хощу», и притом вовсе не в рассказах с церковной окраской, а именно в прямой речи князей и светских людей. Так, новгородцы говорят в 1178 г. князю Мстиславу Храбром: «Княже, аще се богови любо», а сам Мстислав обращается к дружине: «Братья, аще ныне умрем за хрестьяны». Именно в рассказе о плене Игоря под 1185 г. сын тысяцкого и конюший говорят князю: «Поиди, княже, в землю Рускую, аще восхошет бог избавити тебя», а сам Игорь молится: «Аще спасеши мя, владыко».²² Видно, что в решительные моменты русские люди пользовались оборотами торжественного литературного стиля, хорошо знакомого им по церковной службе и по чтению псалтыря.²³

²¹ Нечленные формы на -ск типичны для древнейших церковных текстов, как Киевские глаголические листки X в., Македонские и Охридские XI в. (И. Огиенко. Памятки старо-славянской мови. Варшава, 1929, стр. 48 и сл.).

²² Ипатьевская летопись, 1871, стр. 411, 413, 438. Даже половцы говорят князьям: «а хошем с тобою ряд положить», а берендичи — «аже ны хошеши любити» (там же, стр. 379 и 343).

²³ И причастия болгарского типа часто встречаются в летописи XII в. Игорь восклицает: «Где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи?» и т. п. Поэтому нас

После этого нас не должно поражать «хощу бо» в устах князя Игоря в «Слове», так же как и три случая пользования союзом «аще». Заметим, что два раза «аще» ассонирует со словом «вещий» («Боян бо вещий, аще кому хотяше» и «аще и веща душа»), — мы можем предположить опять уже отмеченную нами склонность поэта к ассонансам. В третий раз «аще» появляется после двух «аже» — не есть ли это опять музыкальная вариация, как в случае «забрало/забороло»? Нам кажется, что поэт умело и осторожно пользовался болгарскими дублетами для большей красочности языка. И. П. Еремин справедливо отметил, что «Слово» есть «литературное произведение, вооруженное всем мощным аппаратом художественного воздействия на читателей, выработанным в его время торжественным красноречием Киевской Руси» (разрядка моя, — А. С.).²⁴ Одним из средств в этом аппарате было умелое пользование болгаризмами, обогатившими русский язык такими понятиями, как «власть»,²⁵ «мужество», «жажда», «шестокрильци», «златоверхий».

Во всяком случае, внимательный и серьезный труд проф. Р. Нахтигала надо приветствовать как проявление усилившегося интереса югославских ученых к величайшему памятнику древнерусской литературы. Прекрасный перевод на словенский язык и комментарий являются большой заслугой проф. Нахтигала и стоят на высоте современной науки. Надо надеяться, что вскоре появится и научное издание «Слова о полку Игореве» на сербохорватском языке: до сих пор сербы и хорваты не имели ни точного перевода памятника, ни хорошего его комментария.

не должно удивлять «нощь стонуши» (зловещий ассонанс!) в «Слове», так как и «нощь» и «полунощь» постоянно встречаются в Ипатьевской наряду с русскими формами.

²⁴ И. П. Еремин. Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия Киевской Руси. Слово о полку Игореве. Сборник под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 100.

²⁵ Святослав Всеволодич говорит в 1180 г.: «приму один власть Рускую» (Ипатьевская летопись, стр. 416); поэтому в «Слове» даже проф. Нахтигаль не решился заменить в его речи слово «уже не вижду власти» — «уже не вижю волости» (стр. 44).